

Наперегонки со смертью

Еще в детстве я удивлялся желанию людей управлять себе подобным. Тогда я был наивен и почти беззаботен и не знал, с чем мне придется столкнуться еще до своего совершеннолетия.

Если вы желаете услышать красивую историю о любви, храбрости, верности, то не тратьте своё время зря. Я расскажу вам о событиях, которые, так или иначе, в нашей стране затронули всех жителей...

...жителей в Волчатнике, моем родном селении, всего около сотни. Жили, в основном, охотой. Волчатник укрылся на заросшем лесом холме и вполне соответствовал своему названию. Волки здесь были частыми гостями, немногочисленную домашнюю скотину и птицу просто так никто не выпускал. Ночью хищники свободно гуляли по улочкам, а с рассветом уходили. Отпугивать их не имело смысла: волчьи шкуры, клыки и кости были необходимы местным умельцам. Стен, заборов и изгородей здесь отродясь никто не ставил. Воинственные кочевники сюда не забредали, княжеские дружины не доходили. Да и главной защитой селения была скрытность, даже деревья рубили за пару верст от селения.

Жилища здесь делали низкие, маленькие брёвнышки скрепляли глиной и утепляли мхом, крыши были из нескольких слоев сплетенного камыша. Раз в месяц несколько человек отправлялись в город на ярмарку, чтобы продать изделия умельцев и добычу охотников. Обрато они приносили овощи, ткани, оружие.

Лихих людей не боялись, наоборот, здесь заблудшие разбойники могли найти кров и горячую пищу. Ведь именно разбойный люд основал Волчатник лет двадцать назад.

Так мы жили из года в год, ничего здесь не меняя. Дети рождались редко, выживали еще реже, и количество жителей поддерживалось, в основном, прибывающими разбойниками. Я оказался исключением. Родился и рос в Волчатнике. Той весной, когда начинается моя история, мне только-только исполнилось 14 лет. Я мало знал о внешнем мире, лишь то немного, что удалось почерпнуть из рассказов взрослых. А ведь так хотелось узнать, что там, за лесом. Если бы не матушка, то давно сбежал бы из дома по одной из кривых лесных тропинок...

...тропинок здесь было много, но идти по ним не имело никакого смысла. Они сходились, расходились, замыкались, будто сам леший решил позабавиться над путниками. Поэтому северяне давно перестали по ним ходить. Они шли пешком, без коней, по такому бурелому мог пройти только человек или лесной зверь. Всю поклажу и оружие приходилось нести на себе.

Ватага расположилась на привале. После длительного отсутствия, наконец, вернулись следопыты. В двух днях пути лежала деревня с полусотней жителей, там хорошее место для лагеря, а на расстоянии четырех дней пути уже начинались основные дороги. Радуюсь окончанию вынужденного безделья, воины быстро собрали свои нехитрые пожитки и тронулись в путь через бурелом...

...бурелом—это мягко сказано. Отправившись за дровами, я забрел в совершенно нехоженые места. Стволы деревьев здесь стояли так близко, что мне приходилось протискиваться между ними. Топор, висевший за поясом, больно впивался в поясницу. В тяжелом сыром воздухе витал запах тины и плесени. Откуда-то спереди и слева слышался легкий плеск воды и приглушенное кваканье лягушек. Я повернул туда, под ногами начал тихонько хлюпать мох. Деревья стали расступаться, идти стало легче. Пробившиеся сквозь густые кроны лучи солнца осветили маленькое мутное лесное озеро. На берегу,

утонув в тине по щиколотку, стоял человек. Он был чуть ниже меня ростом, на нем была потрепанная накидка из шкур и...и больше ничего. Кожа была серовато-зеленая с редким коротким седым волосом, руки скрывала накидка, голова – маленькая, почти круглая, волосы рыжие, с сединой, длинные, путаные, грязные, с прилипшими листьями и мелкими веточками. Я, стараясь не производить лишнего шума, сделал вперед шаг...

...шаг, прыжок, топор, летящий в голову врага. Но, кажущийся неповоротливым, северянин резко присел и перекатился в сторону, разбойник пролетел мимо и потерял единственное свое преимущество – неожиданность. Разбойничья засада провалилась, тать оказался не готов к схватке с настоящим противником. Стрелы отскакивали от прочной брони, копья ломались, лишь самые удачливые нашли цель. В первые две минуты схватки жители Волчатника потеряли больше десятка своих ранеными и убитыми. Надеясь на удачу и богов, засаду делали наспех, в последний момент, когда стало понятно, что северяне идут чётко в деревню. Северяне, отделавшись легкими ранениями, отбили первый натиск, встали спина к спине и таким смертоносным колючим шаром двинулись к Волчатнику. Сработала ловушка, и тяжёлое бревно с размаху ударило в щиты, несколько воинов упали. Пока они очухались, разбойники стервятниками накинудись на упавших, тяжелыми дубинками и колами выбили из них дух. Доспехи смяты, из щелей течет кровь, тела недвижимы. Эти потери только обозлили северян. Разбойники больше не атаквали, они похватили все ценное, запалили дома и бежали в лес...

...лес грозно зашумел, я оглянулся – тропинка позади меня исчезла. Перевел взгляд обратно, пока вертел головой, этот человек в шкуре каким-то образом бесшумно оказался прямо передо мной. Я увидел плоское лицо со вздернутым, похожим на пяточок носом, с выцветшими глазами, с бессмысленным пронзительным пугающим взглядом. От страха отпрыгнул назад, больно ударился о ствол дерева, дыхание мое участилось, стало жарко. Как заколдованный, смотрел я на существо и не мог оторвать взгляд. Оно спокойно подошло ко мне и присело на корточки.

«Никогда раньше не видел леших. А теперь вот повезло!» – мелькнула в моей голове мысль.

– Из Волчатника? – спросило существо резким хриплым голосом.

Я сглотнул слюну и кивнул.

– Так молод, а уже разбойник! – оно укоризненно закачало головой.

– Я... там... ро-ро-родился, – немного заикаясь, выговорил я.

– Родился? – в голосе существа прозвучало удивление. В глазах заблестело любопытство, и оно стало внимательно меня рассматривать. – Как же ты наивен, невежественен и безгрешен. Прелесть!

В лесу хрустнула ветка, послышались чьи-то шаги. Между деревьев мелькнули двое бородатых мужчин в доспехах с оружием в руках, они нас не видели и куда-то спешили.

– О! К тебе бегут. Жечь, грабить и убивать, как водится, – совершенно спокойно сказал леший.

– Ко мне!?

– Да ты не беспокойся. Ты уже ничем не поможешь. Помрешь только зря, – он облизнул губы, блеснули острые, длиннее, чем у обычных людей, клыки.

Я толкнул лешего изо всех сил, развернулся и побежал. Деревья как будто сами расступались, а мне вслед доносился безумный смех. На удивление, к родному селению я выскочил быстро...

...быстро работал огонь, легко пожирая хлипкие строения. В центр Волчатника стаскивали пленников. Поймали одну женщину лет тридцати, худую и истощенную, двух калек, один – без ноги, второй – блаженный, и последним приволокли молодого паренька,

он был без сознания. Северяне прошерстили всё селение и окружающий лес, после чего собрались на совет. Поселение захвачено, можно разбивать здесь лагерь. Главным вопросом было, что делать с пленниками? Они бесполезны, выкуп за них никто не заплатит. Остаётся – убить!

– На угли их, пусть попрыгают!

– Дадим им оружие, пусть дерутся!

– Да тут ребенок, баба и калеки. Утопим их, и делу конец!

От этого гвалта паренек начал приходить в себя...

...себя я ощущал каким-то невесомым, воздушным, подобным облаку. Было хорошо и легко. Только в голове было какое-то тягостное ощущение, будто аккуратно тянули за волосы. Кажется, меня кто-то ударил или я сам с разбегу налетел на дерево прежде, чем оказаться здесь.

– Вставай, щенок! – раздался грубый голос. Откуда-то сбоку вылетел мой новый знакомый с болота, он дико хохотал, его накидка развевалась, словно на ветру, а в руках был деревянный посох. Он подлетел ко мне, ощущение легкости пропало. Неопределённость в голове сменилась тупой пульсирующей болью.

Я открыл глаза и увидел перед носом тяжелые сапоги из толстой выдубленной кожи, носок и пятка были обиты металлом. Они принадлежали широкоплечему, темноволосому бородатому воину. Грубое обветренное лицо пересекал рубленый шрам, темно-синие глаза смотрели с презрением. Он схватил меня за ворот рубахи и, без особого усилия, резко поставил на ноги; мир вокруг покачнулся. Пахло гарью, дома селения догорали, рядом лежали три неудачливых жителя Волчатника. Человек со шрамом сказал что-то другим воинам на своём языке, после обратился ко мне:

– Жить хочешь? – он говорил на нашем языке, но как-то необычно, будто он был не совсем привычен для него.

– Хочу, – едва слышно сказал я и облизнул сухие губы.

– Тогда беги! – он криво ухмыльнулся и стал нарочито медленно снимать со спины арбалет, затем вытащил короткую стрелу и начал заряжать. С короткой задержкой то же самое начали делать все, у кого были арбалеты.

И раньше, чем я понял, что меня сейчас будут убивать, моё тело рванулось под укрытие деревьев. Я сделал пять скачков прежде, чем щелкнула первая тетива. Они решили поиграть, первая стрела обожгла мне ногу, я упал, обдирая колени, перекатился и побежал, петляя, как заяц. Я ничего не слышал и мне казалось, что все вокруг движется мучительно медленно. Стрелы, не торопясь, пролетали мимо.

Впереди что-то зашевелилось, мертвое тело пыталось подняться, цепляясь за стоящее рядом дерево. Я чувствовал, что близится последний выстрел, уже целится стрелок в мою спину, кладет палец на курок, задерживает дыхание и плавно нажимает. Я отчаянно рванул к ожившему мертвецу, резко поднял на ноги, откуда только силы взялись, и укрылся за ним. С лёгким жужжанием стрела впиалась ему в спину, затем вторая, третья пробила горло. Бедняга даже не успел вскрикнуть. Я его узнал, это был мой сосед.

Я побежал дальше. Сзади раздался крики, топот и треск ломаемых веток: отпускать меня живым они не собирались, но по мере углубления в лес звуки затихли. Я позволил себе остановиться и привалился спиной к мощному старому дубу. Тут же почувствовал острую боль в правом боку и что-то лишнее в спине. Я начал вертеть головой, но разглядеть, что там, не получалось, начал ощупывать руками. Из спины торчала короткая арбалетная стрела. Стало больно дышать.

«Неужели повредили внутренности!?» – пронеслась испуганным зайцем мысль.

От взрослых я слышал, что в этом случае у человека шансов выжить почти, нет. До этого страх заставлял меня бежать быстрее, не жалея сил, теперь же липкий ужас

приближающейся смерти схватил меня ледяными руками за горло. От охватившей меня слабости я лег на землю, веки стали тяжелыми и через несколько мгновений закрылись.

– Вставай! – мелькнуло слегка размытое лицо лешего и, кажется...

...– Кажется, дождь собирается. Сходи белье сними, – сказала женщина своей двенадцатилетней дочери и продолжила месить тесто.

Девочка легко встала со стула и выпорхнула за дверь. Ее мать остановилась на миг, откинула со лба прядь непослушных темных волос и глянула в окно, с минуту на минуту должен вернуться муж. Ветер за окном усилился, небо быстро темнело, пришлось закрыть ставни и зажечь лучину. Хлопнула дверь, вернулась дочка с ворохом чистого белья.

– На улице капать начинает, и с севера идут большие черные тучи с молниями, – неунывающе и даже чуть восторженно сообщила девочка.

Грянул гром, да так, что заложило уши. Женщина вздрогнула и просыпала часть муки на пол. Рыжая с черными отметинами кошка приоткрыла зеленые глаза, грациозно прыгнула с печи. Обнаружив лишь муку, потерлась о ноги хозяйки и начала умываться.

Девочка взяла плошку и стала собирать рассыпавшуюся муку.

– Смотри, мама, гости придут! – сказала она, указывая на кошку.

– Откуда здесь гости в такую погоду? – деланно спокойным голосом произнесла женщина.

На улице звякнула цепь, значит, собака вылезает из будки. Пес гавкнул предостерегающе, затем более грозно. Через полминуты послышались приближающиеся шаги. И раздался, теперь уже радостный, лай. Женщина облегченно выдохнула и отодвинула дверной засов.

На крыльце стоял ее муж. Это был рослый крепкий мужчина лет тридцати с немного вьющимися светлыми волосами. Серые глаза смотрели устало и немного тревожно. На нем были штаны и сапоги из свиной кожи, рубаха из плотной ткани. На плече висела сумка со снастями: пара удочек, сачок, а также улов. Мужчина молча мотнул головой, указывая на что-то за своей спиной. Женщина глянула и побледнела. На носилках-волокушах, сделанных из березовой ветви, гарпуна и куртки, лежал человек лицом вниз, из его спины торчала короткая толстая стрела.

– Пошел обратно другой дорогой. И вот. Обнаружил, – будто немного извиняясь, сказал Ирвин. – Не смог оставить, он жив еще.

– Так занеси скорей! – переборков первый шок, сказала Хельга.

Ирвин аккуратно уложил тело на широкую скамью, Хельга увидела бледное, с засохшей кровью, лицо.

– Молоденький совсем...

...«совсем разума лишился» – подумал я, увидев, как рыжая хохлатая курица, поднялась в воздух и побежала. Я пошел за ней, движения давались тяжело, как будто шел по грудь в воде. Курица забежала за дерево и исчезла, я очутился в лесу. Темные деревья с мощными кронами давили на сознание. Было холодно, меня била крупная дрожь. Чтобы не упасть, оперся о ствол, кора была влажная и холодная на ощупь. Я медленно двинулся вперед, держась за ветви деревьев. Под ногами начало неприятно хлюпать. Потянуло сыростью и плесенью. От земли начал подниматься легкий туман. В этой промозглой тишине неожиданно резко прозвучал волчий вой. Я оглянулся, сзади мелькали смутные тени, маленькие, большие, потемнее, посветлее, с легким, чуть слышимым шелестом, они шли за мной. Я ускорил шаг и уже совсем не разбирал дороги. Какие-то колючие кусты цеплялись за одежду и волосы, коряги хватали за ноги, вода уже доходила до щиколоток. Перед глазами начали мелькать лица жителей Волчатника, окровавленные, оскаленные. Я уже не понимал, вижу ли я на самом деле или это все игра воображения. На лбу выступил несмотря на усиливающийся холод крупный пот. Вдруг все звуки пропали, даже хлюпанье

воды под ногами стихло, только удары собственного сердца гулко отдавались в ушах. Я ухватился за ствол очередного дерева, чтобы перевести дух, и тут же с ужасом отдернул руку, по коре быстро расползаясь иней. Сбоку что-то мелькнуло, я обернулся и увидел человеческую фигуру в плаще с капюшоном, скрывававшем лицо. Она была полупрозрачна и испускала синеватое холодное сияние. Я почувствовал взгляд из-под капюшона, миг мы смотрели друг на друга, под капюшоном не было видно ничего, будто Тень спряталась под одеждой. Существо потянулось ко мне, рукава оттянулись назад, и я увидел руки скелета.

Дальше все смешалось в моей памяти, кажется, я побежал. Потом упал в воду и полз, затем поднялся и шел. Неизвестно, сколько прошло времени – на плечо легла ледяная рука. Силы оставили меня, и я упал на колени. Вдруг впереди что-то ярко блеснуло и начало быстро приближаться. Это был воин в блестящей кольчуге, весь как будто сотканный из мерцающих частичек. Я погрузился коленями в тину, потерял надежду и вдруг ощутил тепло, исходящее от сверкающего бойца. Воин вытащил меч, глаза резануло светом. В костяных руках Тени холодным пламенем сверкнула коса. Завязался бой. Фигура в плаще казалась сильнее, каждый её удачный удар оставлял черные полосы на сопернике. Однако воин двигался быстрее, и с каждым мгновением его напор увеличивался. Он оттеснил Тень к лесу, отрубил мечом синеватые щупальца холода и растворился в свежем утреннем воздухе.

Я добрался до более-менее сухого места, упал на землю. Усталость сразу взяла своё, и я провалился в темноту...

...темноту пронзил тонкий луч света. Я моргнул, затем попробовал протереть глаза, но руки были крепко привязаны к туловищу, ноги тоже мне кто-то добросовестно спеленал.

– Что за чертовщина?! – возмущенно зашипел я.

Рядом кто-то зашевелился, через пару минут вспыхнул огонек, осветив лицо девочки.

– Ты сильно кричал, махал руками и ногами. Пришлось тебя связать, чтобы ты ничего себе не сломал, – прошептала она, – а как тебя зовут?

– Он проснулся? – откуда-то из темноты прозвучал женский голос.

– Да.

– Ставни открой, утро уже.

Девочка задула лучину и подошла к месту, откуда пробивался луч света, навалилась всем весом, и в дом ворвался легкий утренний свет, свежий приятный ветерок принес запах росы и мокрого молодого леса.

Ко мне подошла стройная темноволосая женщина:

– Буянить еще будешь? – строго спросила она.

Я отрицательно мотнул головой.

– Ну, смотри! – она погрозила мне пальцем и начала развязывать руки.

Позевывая и потягиваясь, приблизился рослый светловолосый мужчина:

– Очнулся значит, слава Богу, – жизнерадостно подытожил он, – не зря мы несколько суток тебя у Морёны отбивали. Ну, расскажи хоть, откуда ты, да как зовут?

– Меня зовут, – горло было сухое, я закашлялся и сглотнул слюну, – меня зовут, – повторил я, и у меня все обмерло внутри, память отказывалась работать.

Я забыл...

Глава 2

...Все хорошее быстро кончается. Так и здесь. Спустя неделю я уже мог ходить, а еще через два дня отправился в лес за хворостом. Во всем теле чувствовалась слабость. Куртка у меня была расстегнута, и утренний свежий ветер приятно охлаждал

разгоряченное болезнью тело, придавал бодрости и сил. Я зевнул и аккуратно потянулся, рана на спине только закрылась.

В лесу пересвистывались птички, под ногами шуршали мышки, где-то неподалеку отчаянно долбил дерево дятел. Что-то крупное мелькнуло метрах в ста между деревьями и с топотом убежало вглубь леса. Судя по следам, это была дикая коза, скорее всего, какой-нибудь беспокойный самец отбил от стада. Я шел, осматривая землю в поисках новых следов. Вдруг, чуть в сторонке, заметил четкие отпечатки человеческих ног. Конечно, их мог оставить и Игорь, но меня сразу стало знобить от подступающего страха. Всю мою беспечность как рукой сняло. Я прижался к ближайшему дереву и начал оглядываться. Среди листьев увидел человеческие глаза, всего мгновение – и они исчезли. Я облизнул сухие губы.

– Что с тобой? – раздался сзади голос.

Сердце мое чуть не выскочило из груди. Я резко обернулся, там стоял Игорь.

– Фу, напугал. Я... я в порядке, просто голова закружилась.

Он внимательно посмотрел на меня, но я уже успокоился, на щеки вернулся румянец.

– Это пройдет, – Игорь похлопал меня по плечу...

...Игорь вообще был добр ко мне. Он пробовал сам изготавливать луки и подарил мне первый пробный вариант. Лук небольшой, недальнобойный, но как раз подходил мне, чтобы натягивать его тетиву, мне пришлось потренироваться.

Ольга иногда смотрела с подозрением и легким недоверием, но, тем не менее, всегда давала мне добавку на обед, за что я ей благодарен, и разговаривала со мной вполне дружелюбно.

Их дочка вечно донимала меня вопросами, но это было даже приятно. Пока я лежал, других развлечений все равно не было.

Как хорошо было бы остаться с ними, но невозможно. Три дня прошло с тех пор, как я увидел человеческие глаза в лесу. Третью ночь я не мог нормально спать. Глаза преследовали меня в ночных кошмарах, павшие жители Волчатника шли за мной, шепот их мертвых губ загонял мою душу в пятки, и лишь к рассвету она возвращалась на свое место. Это смерть идет за мной, и она не успокоится, пока я не окочурюсь в какой-нибудь канаве. Я решил бежать на рассвете. Игорь, кажется, говорил, что в трети дня пути на юго-восток течет небольшая звонкая речка Сиреня, а дальше два дня на юг лежит деревушка Нырка, туда Игорь ходил на торжище. Доберусь туда, а там решу, что делать дальше.

С такими мыслями я заснул. До рассвета оставалось часа три...

... – Три золотых, меньше не могу.

– Три!? Это грабеж! Давай два с полтиной и харузский кинжал, что тебе приглянулся.

– А, старый ты жук, Керан. Кого захочешь, уговоришь. Отдам я тебе одного щенка.

– Давно бы так! – он дружелюбно хлопнул товарища по спине.

– Ой, не надо. Голова как колокол, – его шатнуло от хлопка и пришлось ухватиться за забор.

Двое мужчин 38–42 лет стояли во дворе дома местного воеводы. Оба были довольны результатами торга. Тот, что покупал щенка, был роста немного выше среднего, сухощавый, крепкий, чувствовалось, что так по-дружески он улыбается крайне редко. На его лбу залегли морщинки как у человека, который часто хмурит брови. Одет он был в помятую рубаху и просторные холщовые штаны, кутался от ветра в плащ, который был закреплен на плече знаком воеводы – скрещенные булава и топор. Его седые волосы слегка развевались, рыжая борода взлохмачена и топорщилась во все стороны, в серых выцветших глазах затаилась легкая грусть.

Второй был чуть ниже ростом, в легком темно-синем кафтане, за пояс заткнут собачий поводок, на руке на петле висит ручник. Несмотря на возраст у него были черные волосы без признака седины и косматые брови, в уголках рта засели улыбчивые морщинки.

Обоих мужчин слегка покачивало. Провожали сына воеводы в школу. В доме как раз заканчивались сборы. Дружинник вывел из конюшни пару оседланных лошадей и стал закреплять на них небольшие седельные сумки с пожитками.

– А ну брысь отсюда, слюнявое чудовище! – раздался из дома возмущенный женский крик.

Раздался звук шлепка и, толкнув мордой входную дверь, из дома выбежал большой, белый с коричневым пес, добродушно помахивая хвостом.

– Смерч, иди сюда, мой мальчик, – позвал собаку мужчина в синем кафтане.

– Больно он у тебя добрый и спокойный для «Смерча».

– Это он в гостях такой.

Один из коней, увидев собаку, неодобрительно фыркнул...

...фыркнул какой-то лесной зверь, страшно прокричала ночная птица, и я окончательно проснулся. Забывшись, решил повернуться на другой бок и чуть не свалился со своей лежанки на дереве. Выругался. Внизу что-то зашевелилось и с недовольным урчанием удалилось. Я посидел на дереве еще с полчаса, потихоньку разминая затекшее тело. Шея едва поворачивалась. Стали пропадать звезды, небо посерело. Было довольно холодно, еще и роса выпала. По земле стелился белесый туман. Я содрогнулся от холода и от воспоминаний, о том, как убегал от смерти по болоту. Но здесь все не так, еще посвистывают ночные птицы, и туман – не живой, вселяющий потусторонний ужас в душу, а лишь пропитывающий одежду сыростью.

Чтобы не замерзнуть совсем, я спустился на землю, умылся в речке и легким бегом направился вдоль нее по течению. Горло чесалось, похоже, я простыл: в первую ночь пробовал спать на земле. Набрал лапника, чтобы было теплее, но через полчаса совсем рядом завывали волки. Нервы не выдержали, я наспех устроился на дереве, спалось неплохо. А на вторую ночь сильно похолодало, и теперь все тело ломало.

Исхоженные тропинки попадались все чаще. Солнце уже почти добралось до зенита, когда я вышел на окраину деревни. Жутко хотелось есть. Люди здесь держали большие огороды, не то что мы в Волчатнике, но – нечем было поживиться столь ранней весной. Я быстрым шагом миновал огороды, несколько небольших деревянных домиков, и пошел по главной улице. Дворы здесь были огорожены низкой изгородью, псы провожали меня сонными взглядами из будок, не было видно ни одного жителя. Очень скоро стало ясно, почему.

Улица вывела меня к небольшой площади, вымощенной камнем. По краям находились торговые прилавки, а в центре – небольшой деревянный постамент. Сейчас на нем стоял худой паренек. У него было раскрасневшееся лицо как от бега или встречного ветра, под короткой тканой курткой поблескивала кольчуга. Он что-то говорил.

На площади собралось несколько десятков человек: мужчины, женщины с детьми. То ли люди готовились бить парня, то ли их оторвали от дел: у многих в руках были топоры, лопаты, мотыги. Все с тревожным нарастающим недоумением слушали юношу.

– ...светлейший князь призывает вас к осторожности, разбойничьи ватаги довольно велики. Они нападают не только на обозы, недавно и на деревню напали. Жители отбились еще до подхода дружины. Так что, нырчани, запирайте ночью двери покрепче, да топоры точите. И Бог вам в помощь – напрягая тонкий, только начавший грубеть голос, призвал юноша.

Он закончил, спустился с постамента и устало поплелся к своей лошади. Пока он шел через толпу, кто-то, с доброй душой, сунул ему в руки сверток. Из свертка виднелся хлеб, и там явно было еще что-то.

Я сглотнул слюну и в очередной раз проигнорировал жалобное урчание желудка.

Толпа потихоньку ожила, зашумела и стала расходиться. Слышны были фразы вроде:

– И стоило из-за этого тревогу бить!?

– Тать совсем страх потеряла!

– И куда дружина смотрит!?

– С каких пор нас разбойниками пугают? Пуганные уже.

– А гонец-то запыхался. Видать, срочно отправили. Не к добру это.

Я шел среди людей, держась ближе к прилавкам в надежде, что выпадет возможность стянуть что-нибудь съедобное. Но, похоже, сегодня не торговый день, на прилавках были только леденцы, к которым, вместе с мухами, липли дети...

... – Дети, два парня лет четырнадцати и трое взрослых, в кольчугах и с мечами. Двигаются не особо быстро, лошадей берегут. Можно перехватить их у ручья, там...

Но тут главный поднял руку, и следопыт умолк.

– Встретим мы их не у ручья, а дальше, где тропинка подходит к опушке. Там заболоченно, и им придется замедлить ход. – Он замолчал, оценивая расстояние и время. – Времени мало, поспешим!

Пятеро взрослых мужчин в зеленых плащах легко и почти без лишнего шума побежали через лес. Из-за голенища сапога у каждого выглядывали рукояти ножей, у троих на поясах болтались короткие мечи, а на плечах – луки. У четвертого никакого оружия, кроме пары кинжалов, видно не было. У пятого вокруг руки была обмотана цепь, на конце цепи – тяжелый шар с шипами.

Отряд быстро уходил на северо-восток, они казались частью леса, их чуть развевающиеся тяжелые от сырости плащи мелькали среди деревьев и были похожи на трепещущие на ветру листья. Трава позади них тут же поднималась, скрывая следы. Птицы и звери не боялись их. Старая рысь, увидев разбойников, спрыгнула с дерева и отправилась за ними следом.

В это время юный сын местного воеводы, его двенадцатилетний оруженосец и три дружинника и не подозревали, что стали целью. Они спокойно сидели возле костерка и дружно поедали копченую свинину. Их отряд направлялся в так называемую школу хайернов. Раньше хайернами называли походных выборных командиров. Но времена лихих походов прошли, а хорошие командиры требовались вот и создали школу, где их обучали для армии объединенных княжеств.

Хайерны должны были уметь быстро собирать ополчение и делать из жителей сносных бойцов. У них была своя система званий и регалий. При каждом хайерне всегда находился оруженосец, который являлся также телохранителем. Поэтому в школу обычно отправляли юношей парами в возрасте от 11 до 14 лет. Пока один изучал азы тактики, стратегии, правления, инженерии, владения мечом, логики, другой в это время учился владеть различными видами оружия от обычных дубинок до тяжелых и неудобных боевых кос, которые использовали какие-то народы из южных удушливых джунглей. Стрелять и метать всё, из чего можно стрелять и что можно метать. Еще оруженосца обучали джигитовке, лазанью, маскировке, плаванию. Все обучение проходило в два года, а потом их отправляли опробовать в жизни полученные знания и навыки...

...навыки воровства у меня отсутствовали, хотя талант явно был. Хозяйка заметила меня в последний момент, когда оставалась жалкая пара шагов до приоткрытой двери. Теперь она бежала за мной и голосила на всю деревню. Я уже жалел, что спрятал украденный пирог под рубаху, он был только из печи и начинал обжигать левый бок и

руку. Я бежал, как испуганный заяц, скачками, не разбирая дороги. Женщина отстала быстро, зато увязались две собаки. Они не кусали и не пытались остановить, но облаивали за милую душу. Жители провожали безразличными или недобрыми взглядами, кто-то порывался догнать, но они не решались бежать через чужие огороды в отличие от меня.

Собаки отвязались только тогда, когда выгнали меня за край деревни. Я добежал до кустарников и только там позволил себе отдышаться. Сел на землю, подложив под себя ногу, и достал пирог. Он был с рыбой, луком и яйцами. Я мысленно поблагодарил хозяйку, запах был потрясающий, а уж желудок после двух полуголодных дней был рад чему угодно.

Солнце только перевалило за полдень, стало припекать. Я снял рубаху, завернул в нее оставшуюся половину пирога. В деревню возвращаться не хотелось, на дороге светиться было опасно. Тракт вел на юго-восток, и я решил пойти через лес примерно в том же направлении.

Лес был темный, заболоченный. Ветви деревьев быстро скрыли солнце, и прошло совсем немного времени, а я уже заблудился и не мог точно сказать, в какую сторону идти. Я вышел на опушку, через нее проходила заросшая старая тропинка.

Справа лес светлел и расступался. Я остановился в раздумье, как вдруг заметил, что на краю опушки на ветвях дерева расположилась рысь. Вокруг ушей можно было разглядеть поседевшую шерсть, хвост её нервно подрагивал, она сидела спиной ко мне.

Неожиданно раздался дикий крик, голос был тонкий и звучал с надрывом. Он сорвался, и на миг наступила тяжелая, тягучая тишина. По спине пробежали холодные мурашки. Раздался треск веток, кто-то отчаянно ломился к опушке. Я упал на землю и переполз в небольшую ямку как раз вовремя, из леса выскочили три всадника. Один, совсем юный, похоже, был мёртв и безвольно повис на шее лошади, двое других были одеты как воины. С небольшим запозданием выскочил третий боец, поперёк седла у него лежал парень. В спину им полетели стрелы. В двоих попали сразу, один даже успел вытащить меч и, падая, он его не выпустил. Лишь конь, который нёс сразу двоих, сумел выбраться из болота на твёрдую землю. В круп ему вонзилась стрела, и он сбросил седоков.

Последний воин поднял паренька и пронёс его шагов двадцать, понял, что так ему не уйти. Он положил тело на землю, повернулся к лесу, взял в одну руку меч, а в другую кинжал:

– Выходи, тати лесные, коли не страшно на открытом месте драться! – рявкнул он.

Из леса показались пять человеческих фигур.

– Честный бой, ишь, чего захотел! – послышался насмешливый голос.

Тренькнула тетива, воин присел и закрыл лицо рукой. Одна стрела отскочила, а вторая завязла в кольцах кольчуги.

– Прикрылся, как рак, клешней. Ну, ничего, сейчас мы тебе клешню-то оторвем! – воскликнул, теряя терпение, один из разбойников и угрожающе взмахнул цепью с шаром на конце. Он уже стоял на твердой земле, другие чуть отстали. Вдруг позади них со страшным рычанием поднялся воин, который устроил ловушку, прикинувшись мёртвым. Он был хорошо защищён кольчугой и металлическими пластинами, меч его был длиннее, чем у разбойников, но жижка под ногами сковывала движения. Разбойники не ожидали такого поворота событий и впали в замешательство.

«Оживший» крутанул меч и одним сокрушительным ударом разбил голову ближайшему противнику и сделал шаг к следующему. Тот не успел ничего сообразить и, получив удар в плечо, упал и был безжалостно добит мечом в горло, даже вскрикнуть не смог; болотная жижка, мгновенно заполнившая рот, лишь безразлично булькнула. Третий понял, что убежать не успеет и прыгнул на воина. Его меч только разрубил кольчугу возле шеи, но ранить не смог. Воин опрокинул его на землю и добил одним ударом. Топь не позволила ему быстро добраться до четвертого. Разбойник метнул нож и попал в

открывшуюся шею бойца. Кровь хлюпнула возле вонзившегося лезвия, воин рыкнул в последний раз и упал.

Второй дружинник был жив и яростно сражался, он получил пару сильных ударов, кровь сочилась из ран на плече и из распоротой щеки. Своей цепью противник не подпускал его даже на удар меча. Он сделал обманный финт и вошёл в зону поражения цепи. Вместо удара разбойник обмотал своим оружием воина и, сам того не желая, притянул к себе. Меч с хрустом вонзился в грудь и прервал его лихую жизнь. Падая, он увлёк за собой своего противника.

Выживший тать уже выбрался из болота, подскочил к упавшим и вонзил нож в шею воину. Бой был закончен.

Я тем временем подполз к парню. На поясе у него был нож, я схватился за красивую разрисованную рукоятку и потянул, рука парня схватила меня за запястье. Глаза его приоткрылись и с недоумением уставились на меня.

Я дернул руку, но он держал крепко. Разбойник заметил нас и стал приближаться. Я отчаянно дёрнулся, попытался поднять парня и при этом высвободиться из его хватки. Парень двигался медленно и, похоже, ничего не понимал. Разбойник был уже близко, я четко видел его лицо, искаженное боевым безумием от пролитой крови и от смерти товарищей.

Вдруг мелькнуло нечто серое. Это рысь бросилась на разбойника, и они живым рычащим визжащим комом покатались по земле. Закончилось все так же неожиданно, как и началось. Человек лежит на земле и дергается в предсмертных конвульсиях, из разорванного горла хлещет кровь. Зверь, прихрамывая, направляется к нам, из его бока торчит рукоятка ножа. От страха я отпустил парня, и он, не сопротивляясь, повалился на землю. Старая рысь подошла ко мне и заглянула в глаза. В её выцветших, когда-то зеленых, глазах с вертикальным значком я увидел какую-то безысходность, отчаяние и ярость. Меня как будто заколдовали, взгляд отвести было невозможно, моё тело качнулось вперед, и в глазах потемнело. Все тело сразу начало ломить, глаза резало, как от яркого света. В левом боку запульсировала боль. Крика своего не слышал, но голосовые связки напряглись до предела...

Протер глаза, вокруг все так же темно, только звезды над головой подсказывали, что я снова вижу. Ночная прохлада проясняла и очищала разум. Медленно вспоминались события предыдущих дней. В памяти всплыли два вертикальных зрачка, и я в ужасе вскочил, ожидая увидеть рядом рысь. Но, к счастью, её рядом не было. Неподалеку горел костерок, и около него сидел парень, у которого я пытался стащить нож. Он уставился на огонь немигающим взглядом. В руках у него был тоненький прутик, кончик которого сильно подрагивал, выдавая внутренне напряжение.

Трава была мокрая от легкого тумана, с болота тянуло холодом. Я собрал несколько веток, подошел к огню и сел напротив парня. Он даже не взглянул на меня. Молчание затягивалось, он подбросил несколько веток в умирающий костер. Огонь осветил его нахмуренные брови и плотно сжатые губы.

– После того как ты перестал кататься по земле и выть, я подумал, что ты умер, – заговорил первым парень. Голос был хриплый, севший, как у ребенка после долгой истерики.

Я пригляделся, на его лице, среди пыли, были видны дорожки от слёз.

– Да никак не могу отвыкнуть жить! – ответил я.

Опять повисло молчание, спать не хотелось совсем. Это было какое-то отупение, мысли неохотно ползали в голове по кругу, и сосредоточиться на них оказалось очень трудно.

– Надо будет похоронить на рассвете. Поможешь? – он кивнул куда-то в сторону. Там в темноте лежали тела бойцов.

– Конечно!

Общее дело сразу как-то проложило связь между нами. Слово за слово мы разговорились. У нас обоих накопилось достаточно, и надо было с кем-то этим поделиться. Слово за слово мы разговорились.

К утру я знал, что он – сын воеводы срединного княжества, его зовут Гвен и направляется он в школу для хайернов. Погибшие воины были из дружины отца, а мертвый паренек был сводным братом. Он должен был стать оруженосцем Гвена в школе.

Было очень холодно, несмотря на огонь. Моя болезнь набирала обороты. Тело уже не ломало, зато чувствовалась неимоверная слабость. Чтобы дотянуться до дров и кинуть их в костер требовалось усилие воли, голова была тяжёлой, глаза горячими и сухими.

Мы принялись копать могилы, как только начало светать. Тогда я впервые взял в руки меч, но он был очень тяжелый и неудобный, чтобы рыть землю; гораздо лучше получалось кинжалом. Когда мы закончили, солнце уже встало, разогнало тучи и начало согревать землю. Дно могилы выложили травой, уложили туда трех дружинников и парня, накрыли их походными плащами. Замерли в молчании, не решаясь бросить первый ком земли, который разорвет последнюю связь павших с миром живых. Гвен кусал губы.

Дело было закончено. Небольшой холмик, который скоро зарастет травой, и четыре камня сверху.

Мы поймали коней и двинулись в путь. Голова у меня кружилась, было очень жарко, перед глазами плавали разноцветные круги.

– Куда ты теперь? – спросил Гвен.

– Не знаю. Куда глаза глядят. А ты?

– Я до ближайшего поселка, оттуда пошлю гонца отцу. А потом в школу, – и сожалеющим тоном добавил: – и зачем мы решили срезать через лес, ничего бы не произошло...

– А до твоей школы далеко?

Ответа я уже не услышал. Я мягко повалился на шею лошади и провалился во тьму...

...Очнулся я в полутемной маленькой комнате. Было душно, свет проникал через единственное маленькое окошко. На двери поблескивала эмблема в виде меча, булавы и боевого рога. Я осторожно вдохнул тяжелый тягучий воздух. Резко пахло хвоей, мёдом и ещё какими-то травами. Меня скрутило в приступе кашля. Рядом что-то шевельнулось, в поле зрения появилась рука с чашкой.

– Пей! Станет легче. – Прозвучал мужской голос.

Я послушно глотнул сладкий теплый отвар с терпким вкусом и тут же уснул...

Глава 3.

Прошло два года и пять месяцев

Был конец августа. Холодало. Небо щедро проливало на землю дожди. В ветвях деревьев подывал северный ветер. Здесь, в Тельпакских горах, на границе северных земель, погода не жаловала, даже летом люди ходили в плотной холщовой одежде и коротких сапогах на полпяди выше щиколотки. Зато растения, не требующие особо тепла, а только влаги и плодородной земли, плодоносили здесь от души. Поэтому торговцы бывали здесь часто, скупали у местных ягоды и мясистые лесные орехи, росшие в этих местах в изобилии.

И разбойники здесь бывали, дабы пощекотать брюхо купцам да облегчить их кошель на лесных дорогах. Княжеские дружины забредали сюда редко, и бояться разбойникам приходилось только купеческой охраны.

Вот и сейчас, в пол дне хода от селения Орешниково, прицепившись одним боком к скале, прижавшись к земле, укрывшись разлапистыми ветками ели, стояла лачуга. Из небольшого бокового отверстия под крышей курился дымок. Дым поднимался вдоль

скалы, остывал во влажном воздухе и растворялся, не успев подняться достаточно высоко, чтобы быть кем-то замеченным. Внутри сидели человек восемь и с голодным нетерпением смотрели, как на костре жарится пара зайцев. Среди горячих углей темнели лесные орехи, которые уже осточертели разбойникам. Нехитрое оружие в виде луков, топоров и дубин лежало в углу лачуги, только с ножами никто не расставался. Никого из них не прельщало сидеть в этих краях в сезон дождей, но князья, опасаясь нападения северных соседей, стремились избавиться от внутренних проблем и гнали разбойников изо всех щелей. И лихие люди уходили на границу с теми самыми северными соседями. Пару недель назад в Орешниково прислали новоиспеченного хайерна, но он все не мог найти общий язык с местными и особой опасности пока не представлял.

Неподалеку от лачуги, прячась за деревом, стоял человек в плаще. Инстинкт его подсказывал, что убежище разбойников где-то рядом, но разглядеть что-либо в этой дождливой серости было сложно. Он, пригнувшись, медленно пошел вперед. Занес ногу для очередного шага, и все его чувства практически взвыли. Человек отвел ногу назад и присел на корточки. Среди влажной травы, прямо перед ним, был спотыкач. Острые деревянные колья торчали из земли на целую пядь. Неосторожный человек неизбежно падал на таких ловушках. Если делали спотыкач на совесть, то оставалось добить умирающего человека и убрать тело. Наблюдатель в плаще еще внимательнее стал вглядываться в лес. И, наконец, заметил слишком большое темное пятно у скалы. Это была разбойничья лачуга, даже сквозь шум дождя он уловил отзвук чьего-то голоса и слабый запах жареного мяса. Пустой желудок тут же отозвался жалобным урчанием.

Большого наблюдателю и не надо было, он осторожно пошел назад тем же путем, каким пришел. И лишь когда лачуга совсем скрылась за деревьями, побежал легкой рысцей, сбивая дождевые капли с веток. Он уже замерз, в сапогах хлюпала вода, и ему хотелось поскорее оказаться в сухой избе поближе к теплой печке.

В голове мелькнула мысль:

– Еще не хватало заболеть и слечь на полмесяца, как пару лет назад...

...назад, в Орешниково, я вернулся только под вечер. Хотя определить, день сейчас или ночь, было сложно: всё небо затянули дождевые тучи. Люди сидели по домам и лишней раз на улицу не выходили. Псы провожали меня взглядом, не желая покидать теплых будок. На площади под навесом четко отпечатались следы множества сапог: похоже, Гвен вытащил ополченцев на тренировку, – значит, ему тоже не сидится. Я понимающе усмехнулся.

Дверь во двор местного старосты была закрыта. Понимая, что стучаться и будить старого пса бесполезно, я легко перемахнул через невысокий забор. Гвен меня почувствовал или просто услышал – это было понятно, потому, что он сразу открыл дверь, стоило мне приземлиться на землю во дворе.

– Вернулся, блудный кот! – с улыбкой проговорил Гвен, – ушел с утра пораньше и даже ничего не сказал.

– Тебя будить не хотел, – ответил я.

– И не сиделось тебе в такую погоду.

– Сиделось, еще как. Потому и пошел. Разбойники-то тоже носа из норы не кажут, хоть в упор подходи, – увидев вопрос в глазах Гвена, решил его немного потерзать и перевел тему, – ты сам, я вижу, тоже не усидел, парней в такую погоду выгнал топором махать.

– Да с топором они даже тебе фору дадут. Я показывал, как без оружия обороняться.

Только тут я разглядел легкий синяк под глазом Гвена.

– Вижу, они быстро учатся.

– Один не хотел идти на тренировку и решил показать, что ему нечему учиться. Отступить мне было некуда.

Я с трудом сдерживал смех.

– Он жив?

– Такие не умирают.

Я развесил мокрую одежду в сенях, пояс с мечом поставил рядом с мечом Гвена и прикрыл их сеном. Надел сухую рубаху, штаны, подпоясался веревкой, переложил кинжал из сапога за пазуху. Мы зашли в дом.

На кухне, поблескивая хитрыми глазками, сидел староста. Это был невысокий крепкий коренастый мужик лет сорока. Черная шевелюра уже слегка серебрилась. Он был умен, хитер и не спешил помогать нам налаживать отношения с селянами. Больше удовольствия ему доставляло наблюдать за нашими метаниями.

– Ты как раз к ужину, Эрик, – сказал мне староста, и уже нам обоим – Присаживайтесь.

Душистая каша из пшена, орехов и с какими-то местными травками удалась на славу. О чем мы тут же сообщили хозяйке и её помощнице - пятнадцатилетней дочке, расцветающей красавице. Дочка сначала покрылась румянцем от похвалы и ещё больше похорошела, а после слишком долгого взгляда Гвена стала пунцовой, уткнулась глазами в тарелку и головы больше не поднимала.

Дав нам немного утолить голод, староста решил узнать то, о чем так и не спросил Гвен:

– В лесу-то, поди, всё зверьё распугал? – не дожидаясь ответа, он продолжил: – А лиходеев-то нашел?

Я выдержал паузу, видя, как все напряглись; свой интерес не скрывал только Гвен.

– Даже зверья не видел, целый день потерял, – сказал я, изобразив разочарование.

Все расслабились, Гвен подозрительно взглянул, а староста криво усмехнулся, в очередной раз убедившись в нашей неудачливости и бестолковости.

После ужина мы пошли к кузнецу. Мы уже целый месяц с момента приезда пытались убедить его сделать нам хорошие кольчуги. Наши, оставшиеся от школы, никуда не годились. Кузнец отказывал нам под разными предлогами, как, впрочем, все в этой деревне, кого мы о чём-нибудь просили.

На улице можно было спокойно поговорить.

– Я нашёл логово разбойников, – негромко проговорил я.

– Что? Почему ты сразу не сказал?

– Тише. Не так громко. Тут все посмеиваются над нашими потугами. И не будь ты хайерном с княжеской печатью, нас давно бы выгнали отсюда.

– Ты прав. Когда они просили о помощи, то ожидали дюжину дружинников, а не двух шестнадцатилетних парней.

– А ты полностью прочитал прошение? А то я дальше первых строчек, где они расхваливали князя, не ушёл.

– Прочитал, – с понимающей усмешкой сказал Гвен.

– Расскажи, что разбойники успели натворить?

– Четыре торговца, два купеческих каравана, которые шли с северных земель, охрану убили. Несколько раз воровали скот у местных, вроде всё.

– Мда... Что будем делать?

– Хорошо бы их взять в норе. Но надо местных привлечь.

– Через неделю у них праздник. Игры, пляски, праздничные бои против соседней деревни. Надо выступить тоже. Хоть уважать нас будут.

– Если не убьют. В рукопашке они ребята нехилые. А праздник-то по какому случаю?

– Начинают сбор урожая...

– ...сбор урожая. Праздник, – смачно растягивая слова, будто пробуя их на вкус, процедил разбойник.

– Да, погулять бы. Пожрать нормально. Девочек потискать, – согласился второй.

– Ишь ты, размечтались, – прохрипел старший, – девочек им. На праздник собрались. Дело у нас будет. Должны приехать торговцы, как поточнее узнаем, пойдём присматривать место для засады.

Резко зашуршала трава, все замолчали. В лачугу заглянул караульный, впусив теплый влажный воздух.

– Идет, – сказал караульный. – Пустить?

– Давай, – махнул рукой Старшой.

В лачугу скользнула человеческая фигура, закутанная в плащ. Движения её были какие-то рваные, прерывистые, выдавая внутренне смятение. Дальше из лачуги доносились только приглушенные голоса, что-либо разобрать было сложно. Караульный стоял у входа. Дождался когда выйдет человек в плаще, проводил его до границ спотыкача.

– Слышали? Торговцы уже прибыли. Один отправляется завтра, сразу после праздника, – сказал Старшой-Кривой.

– Чего? – отозвался разбойник с перекошенным лицом и косящими глазами.

– Не, страшный ты слишком, – передумал Старшой и беззлобно хохотнул. – Белый, лучше ты. Пойдешь завтра на поляну, поглядишь, что к чему.

Самый молодой из разбойников с почти белой, не загорающей кожей, белыми короткими волосами и красноватыми глазами, кивнул...

...кивнул в качестве приветствия противнику. Тот крутанул ручник и рванул на меня.

– Затопчи его! – крикнул кто-то из стенки.

Я с трудом увернулся от первой серии ударов. Не успел перевести дух, как вновь пришлось уворачиваться. Противник так крутил ручник, что я даже загляделся и не заметил, как пропустил удар в правый бок. Дыхание перехватило, но боль ещё не пришла. Парень увлёкся и во время разворота оказался спиной ко мне. Я ударил ему ногой под колено и схватил за шею. Чуть потянул рукой вправо, сдвигая гортань, чтобы он не вздумал дергаться. Он побагровел и стал задыхаться.

Стенка орешниковцев радостно взревела. Я победил. Скрывая боль и улыбаясь, я вернулся в строй. Первый соступ мы проиграли, второй выиграла. Гвен отличился, выиграл состязание борцов, и впереди нас ждал решающий третий соступ. Кровь кипела, казалось, мы сейчас оторвемся от земли и полетим на таран. Толпа вопила, ещё больше раззадоривая бойцов, визжали девушки, поддерживая парней и лишая их права на слабость.

Две стенки – орешниковская и орловская – заухали, зарычали, как громадные диковинные звери перед боем. Щелкнула нагайка, и мы понеслись вперед. Замелькали руки, головы, плечи. Я кого-то смог ударить в этой толчее и от кого-то получил. Гвен умудрялся наносить короткие удары и при этом страшно рычал. Мышцы звенели от напряжения, и мы шаг за шагом теснили упрямых орловцев.

Радостно гаркнули полсотни мужских глоток: мы все-таки победили. Кто-то яростно сопел от неудачи, – но, тем не менее, две стенки пошли брататься. Праздник продолжался.

Я пошел к краю праздничной поляны, туда, где бил родник с ледяной живительной водой. Прошёл мимо торговых лавочек, мимо белобрысого блаженного с красными глазами, который веселил детей, изображая различных животных.

Рубаха на мне превратилась в лохмотья, я смочил их в ручье и пытался сделать повязку на ноющий после палки бок. Получалось неловко.

– Думаю, у меня получится лучше, – прозвучал совсем рядом приятный и неожиданный голосок.

По всему телу пробежали холодные мурашки, мышцы сократились и расслабились. Я обернулся и увидел стройную, ладную девушку с темно-русыми волосами и голубыми глазами с легкой морской зеленью. Никогда не видел моря, только слышал о нём, но в тот момент я подумал именно так.

– Что? – мой голос стал сиплым и хриплым.

– Давай, помогу! – посмеиваясь над моей реакцией и, наверно, радуясь произведенному впечатлению, сказала девушка и взяла из моих добровольно разжавшихся рук обрывки рубахи.

Она быстро и ловко связала их в повязку. Ледяная вода быстро потушила боль. Я стоял и не знал, что сказать.

– Благодарю!

– Обращайся. Как тебя зовут?

– Эрик, а тебя?

Тут кто-то крикнул с поляны:

–Лина, пойдём, нам пора.

Девушка добродушно улыбнулась:

–Мне пора.

–Как мне тебя найти? – вслед ей спросил я.

– В Орлово, третий дом по крайней улице от колокольни, во дворе чёрный пёс.

Она побежала, кто-то, теряя терпение, её звал. Я зачарованно смотрел ей вслед. От бега платок слетел с её головы, она, не останавливаясь, поймала его рукой, волосы заструились по плечам, красиво отражая солнечные лучи.

Что-то происходящее на поляне привлекло моё внимание и вывело меня из ступора. Гвен разговаривал с одним из торговцев, и разговор явно не клеился. Я сбегал к нашей телеге и захватил плащ Гвена с эмблемой школы хайернов и наши мечи.

– Не смей меня, паренёк, какой ты, к лешему, хайерн! – похохатывал торговец. – Ты щенок ещё.

– Выбирайте выражения, – закипая, произнёс Гвен, его рука чуть шевельнулась к рукояти кинжала, но вместо этого нырнула в карман. Я накинул ему на плечи плащ и встал слева, как и положено оруженосцу. У торговца сначала мелькнуло беспокойство в глазах, когда он увидел эмблему школы, и он совсем посерьёзnel, когда Гвен одел на средний палец левой руки кольцо с печатью первой ступени хайернов.

– Ну, извини! По тебе и не скажешь, – примирительно заговорил торговец – Давно выпустились?

– Полгода.

– Разбойники значит, говоришь? – торговец вспомнил, с чего начался их разговор с Гвеном. – Да мы уж предупреждены. Если ты местный хайерн, то это – тебе. – Тут торговец поискал кого-то глазами и крикнул: – Керн, бери свою ватагу и подь сюды, хайерн объявился.

К нам подошли шестеро мужчин, все как на подбор. Лет им было примерно по тридцать. Бородатые, черноволосые, коренастые, из их телеги видны были кольчуги, шлемы и рукояти мечей.

– Князь направил вам в помощь...

...помощь и правда к ним пришла, – немного удивленно, тихо, сам себе сказал Старшой.

Из схрона он наблюдал, как по лесу пробираются бойцы. Вооружены до зубов, кольчуги зачернены. Несмотря на снаряжение, двигались они быстро и сравнительно тихо. Следом, с небольшим отставанием, шли деревенские парни с топорами и луками. Старшой заерзал от беспокойства; хайерн с оруженосцем не попали в его поле зрения.

Сзади раздался шорох. Старшой прижал руку с кинжалом к груди и оглянулся, но это был Беляк.

– Эти молокососы, этот хайерн со своим оруженосцем пришли раньше, чем мы ожидали. Похоже, они пошли впереди основной группы, мы еле успели уйти, – сказал он.

– Следы все уничтожили?

– Почти.

– Бараны! – злобно прошипел Старшой. – Отходите к пещере и ждите меня там.

Он дождался, когда облако закроет солнце и короткими перебежками направился к своей бывшей лачуге. Её и правда не успели растащить до конца, а костровище и следы от спотыкача прикрыть дёрном. Сейчас тут копошились ополченцы, воины и хайерн с оруженосцем шерстили все кусты в округе, надеясь найти следы. Видя их бесплодные попытки, Старшой улыбался:

– Что, зубки маловаты, псы цепные! – радостно ругался он.

Его беспокоил только оруженосец. Эрик, как ищейка, заглядывал под каждую ветку и то и дело пытался уйти в сторону пещеры, но ему не хватало уверенности. Вдруг Эрик замер и взглянул в сторону атамана разбойников. Старшой бухнулся лицом в землю, кляня себя, что, забыв про осторожность, смотрел сосредоточенным прямым взглядом на оруженосца. Эрик оглядел ближайшие холмы, камни, но так и не понял, что привлекло его внимание.

Старшой поднял голову, возле лачуги появилось новое действующее лицо. Дед. Роста ниже среднего, всё его тело было покрыто зеленоватыми волосами, будто он долго сидел в болоте, из одежды на нём была только потрепанная накидка. Его безумный взгляд вонзился в глаза атамана и как будто заглянул в душу. Дед сжал худую кисть в кулак и погрозил. Старшой, теряя самообладание, заморгал и энергично помотал головой – дед исчез.

Решив больше не рисковать, разбойник поднялся и быстро пошёл в сторону пещеры, где его ждали товарищи...

...товарищи с ног сбились, тать по лесам ищут, а он тут прихорашивается! – беззлобно, но с издевкой говорил мне Гвен, пока я пытался придать себе более опрятный вид. – О, даже щетину сбрил. Вот до чего девушки доводят.

– Кто бы говорил! А кто за старостиной дочкой увивается? Смотри, женят тебя без суда и следствия.

– Не, у старосты на нас другие виды, он даже не намекнул ни разу на женитьбу, – уняв пыл, сказал Гвен. Видимо он уже не один раз думал над этим вопросом. – До закрытия ворот вернешься?

– Не знаю. Вряд ли.

– Слушай, – тут Гвен посерьёзней. – Ты уже, наверное, частокол весь исследовал. Слабые места есть?

– Полно. Есть, где перелезть, в одном месте подгнил сильно, и я обнаружил даже подкоп.

– Плохо, – тут он вновь улыбнулся и хлопнул меня по плечу. – Не трать все силы, завтра частокол будем латать.

– Постараюсь, – сказал я, прилаживая ножны с мечом на левый бок.

На улице было прохладно, октябрь подходил к концу. Дул несильный, но пронизывающий ветер. Судя по погоде, со дня на день должен выпасть снег. В сером небе было пусто, птицы, в большинстве своем, уже улетели в теплые края. Под ногами мирно шелестели опавшие листья.

Уже начинало темнеть и стоило поторопиться. Я прошел через ворота и решил срезать путь до Орлово через лес. Мои мысли были целиком о предстоящем свидании, и я сразу же забыл про просьбу Гвена. С шага перешёл на легкий бег. Сердце стучало от радостного предвкушения встречи, холода я не чувствовал и вообще мало на что обращал

внимание, тело само знало путь, и разум не вмешивался. Я не обратил внимание на то, что лес вокруг становился всё гуще. Ощущение тревоги вернуло меня к реальности только когда деревья обступили меня со всех сторон, и впереди блеснуло маленькое заросшее лесное озерцо. Холодная змея обвила моё сердце и стала сжиматься, страх воспоминаний вернулся. Здесь всё было так же как два с лишним года назад. Так же квакали лягушки, и так же по щиколотку в тине стоял заросший волосами леший. Его накидка из шкур вылиняла, потрепалась и местами порвалась, в шевелюре почти исчезла рыжина, кожа приобрела пергаментно-жёлтый оттенок. Взгляд деда привёл меня в дрожь, но в его глазах в этот раз светился разум.

– А! Волчонок из Волчатника, – хриплым каркающим голосом проговорил он, растягивая слова беззубым ртом. – Рад, что ты жив. Как зовут тебя?

– Эрик! – стараясь скрыть дрожь, ответил я.

От деда чувствовалась исходящая сила. Не злая и не добрая. Какая-то серая и безразличная. И ещё страшнее стало от того, что сила стала проявлять интерес ко мне. Он засмеялся. Звук был похож на скрип старого сухого дерева на ветру.

– А я до последнего момента не верил что, забыв своё имя, ты сможешь избежать смерти. Но попробовать стоило. Как жилось то тебе с тех пор?

– Не жалуюсь, – не понимая, чего от меня хочет дед, ответил я.

–И правильно делаешь, иначе смерть быстро поймёт, что ты под чужим именем ходишь. Но пора тебе вспомнить своё настоящее.

– А...зачем? Не очень-то и охота! – в горле пересохло.

Настоящее имя было прочно забыто, но прежняя жизнь, связанная с ним, осталась в памяти и пугала меня до постыдного холодного пота, выпученных со сна глаз и полного ступора.

Дед хмыкнул:

– Зачем!?! А затем, что настоящее имя связывает тебя с твоими предками. Сейчас ты не можешь общаться с ними, пользоваться их памятью. Вспомни, как тяжело тебе было в школе хайернов. Ты ведь всегда отставал?

– Да!

– Потому, что все пользовались памятью предков, а ты – нет. Тебя нет в мире живых, и твои предки не видят тебя, как, кстати, и смерть. Поэтому я здесь, пора вернуть тебе память.

– Нет! Нет! – закричал я и попытался убежать.

Но голос мой потонул в тягучем воздухе, мир поплыл перед глазами. Лицо деда приблизилось ко мне вплотную. Я попытался его оттолкнуть, но тело было какое-то ватное и совсем меня не слушалось. Мир померк.

– Кенар, так зовут тебя. Никому не говори своего настоящего имени. Слышишь? Никому!

– Кенар, – сказал я одними губами, как бы пробуя имя на вкус, и открыл глаза.

Покосившийся низенький частокол, колокольня виднеется на фоне вечернего, уже почти ночного неба. Простые деревенские домики, тёплый свет просачивается сквозь ставни. Каким-то образом я оказался рядом с Орлово. Вспомнив цель своей вечерней прогулки, я быстро нашёл взглядом беседку рядом с колокольней. Я легко перелез через частокол и, прячась за деревьями, направился туда.

Меня уже ждали, сердце учащенно забилося. Из беседки с радостным полувскриком-полу визгом ко мне бросилась девичья фигурка.

– Почему так долго? – мило обижаясь, спросила Лина.

– Заплутал на ваших лесных дорожках.

Время полетело стремительно и незаметно. Казалось, я только пришёл, но небо было уже щедро усыпано звёздами, месяц умиротворяющим голубым светом озарял спящую деревню. Окна в домах погасли, засвистела какая-то ночная птица.

– Мне пора! – всполошилась Лина и попыталась вырваться из моих объятий, но тут же прижалась ещё крепче. – Но, ты мне так и не сказал, как тебя зовут?

– Эрик.

– Это я уже слышала. Тебя так Гвен представил в школе. А как тебя зовут от рождения?

Она так мило и преданно посмотрела мне в глаза. Тепло её тела чувствовалось даже сквозь одежду. Её близость сводила с ума и лишала осторожности. Впоследствии я долго учился не поддавать под женские чары, но не достиг в этом совершенства до сих пор, а тогда – тем более.

«Не говори никому!» – прозвучало в голове воспоминание.

«Да ладно, я же только ей скажу», – отмахнулся я и больше не слушал предостережения сознания.

– Кенар моё имя! – тихо прошептал я.

Лина закрыла рот рукой, чтобы не засмеяться.

– Кенар? Какое смешное имя. Никогда подобных не слышала, – в ночной тишине её слова прозвучали неожиданно громко и чётко...

...чётко отдалось в чертогах, где нет места простым смертным, имя Кенар. Река несла обрывки душ, остатки личностей, поступки, несбывшиеся мечты и желания. Её воды постоянно меняли цвет. Безликие духи носились над её поверхностью в поисках наиболее темных пятен и выхватывали из них души грешников, которым уже нет прощения. Также они питались оставшимися эманациями страха смерти всех умерших, подавших в эту реку. Но утолить голод этим было невозможно. Всё съедобное и годное для перерождения забирали ещё раньше. Изредка по водам реки проносились яркие светящиеся пятна, сжигая неосторожных безликих.

– Кенар, Кенар, Кенар! – эхом отдавалось от каменных стен чертога на разные лады. Эхо умерло в один миг, как и все другие звуки, безликие замерли в страхе. Хотя нет, они давно ничего не чувствовали, тем более страха. Просто не стоило лишней раз попадаться на глаза тому, кто мог одним взмахом прекратить их жалкое существование.

Немного ниже по течению появилась лодка, она плыла без помощи весёл, будто по собственной воле.

– Кенар! – прозвучало ещё раз заплутавшее эхо и испуганно замерло на дне лодки.

В лодке сидело существо в плаще. Оно сгорбилось на скамейке. Из рукавов выглядывали кисти рук, как у скелета, без мышц, жил и кожи, одни кости, скрещенные на коленях. Где-то за спиной поблескивало холодное пламя косы. Почувствовав немой приказ, трое безликих опустили в лодку. Кенар прожил больше дозволенного, и пришла пора исправить эту ошибку. Безликие получили право ненадолго оказаться в мире живых...

...живых здесь нет, мертвых тоже. – Подвёл итог осмотра опустевшего дома старосты Гвен.

– Хоть это радует! Соседи говорят, что он уехал на городское торжище, – сказал я, – спешно собрался и уехал, совсем недавно.

– Странно, и дочку с женой зачем-то забрал.

Я чувствовал растущее в друге беспокойство.

– Так, по коням. Догоним и спросим.

Хайерн благодарно взглянул на меня, и мы, не теряя времени на лишние слова, рванули к конюшне. Быстро оседлали лошадей и помчались галопом по дороге к городу. Парни испуганно шарахнулись с нашего пути.

– Доделывайте без нас! – успел крикнуть им я.

Мы с утра возились с частоколом и решили зайти за кирками к старосте, а обнаружили лишь пустой дом.

Уже через полторы версты мы увидели вдалеке телегу, груженную всяким добром и с тремя людьми. Странно, но заведев нас, телега стала двигаться будто быстрее. Тем не менее, мы её легко нагнали. Телега остановилась, староста был бледен и испуган, его жена пребывала в смятении, а дочь радостно улыбалась Гвену. В моей голове мелькнула догадка, но друг, похоже, понял раньше.

– Уважаемый, говорят, вы на торжище поехали, а такое ощущение, что проезжаете, – заговорил Гвен. Он спрыгнул с лошади и приблизился к старосте.

– Да, знаете ли, утварь обновить решил, прикупить по мелочи, – заговорил староста.

Чувствовался исходящий от него страх. Неужели это мы его так напугали?

– А разбойников не боишься?

– Да я человек маленький, небогатый. На кой я им?

– На кой? А может, они не ограбить тебя хотят, а поговорить по душам. Видел я пару раз, как ты в лес бегал, лицо свое пряча, – голос Гвена становился всё жестче, в нём появились стальные нотки.

Его жена решила помочь своему мужу, но я сделал останавливающий жест рукой, и она с лёгкостью послушалась.

– Это ты предупредил их о нашей вылазке?

– Нет, что вы!?! Помилуйте!

– Нас в школе ещё и пытать учили. Эрик, помоги. Сейчас он нам всё расскажет.

Не увидев на наших лицах жалости или сомнения, староста потерял самообладание. Он скатился с телеги, попытался бежать, споткнулся, упал, свернулся калачиком и заскулил. Мы за ворот рубахи рывком поставили его на ноги.

– Я... я всё скажу! Сам!

Выглядел староста в данный момент жалко. Я даже внутренне содрогнулся. Нам ещё не приходилось запугивать людей, и мы с Гвенем были под впечатлением от результата.

– Так говори, пока у нас терпение не кончилось, – рявкнул Гвен. Своим рвением и решимостью он уже даже меня напугал.

– Я ходил иногда к разбойникам, сообщал о торговцах и купеческих караванах. В обмен они обещал не трогать деревню.

Гвен взял его аккуратно за горло и легонько сдавил, староста поспешно продолжил: – Предупредил о вашем появлении и появлении ватаги Керна. И о том, что вы собираетесь атаковать их логово.

– Хорошо устроился. Так зачем бежишь-то?

– Беда с севера! Пришёл вооружённый отряд. Почти полсотни бойцов. Они поймали разбойников, прижали их. И теперь вместе собираются захватить Орлово и Орешниково.

– А ты, значит, бежишь, как крыса!?

– Так если бы я сказал, то вылезла бы моя связь с разбойниками. Меня свои бы на вилы подняли!

– И правильно сделали бы. Эрик, закончишь?

– Без проблем, – ответил я и садистки улыбнулся старосте.

Он побледнел и готов был потерять сознание.

Гвен направился к дочери старосты. Девушка была в ужасе от произошедшего, но Гвену улыбнулась и взгляд её, вроде, потеплел.

– Куда вы теперь? – спросил хайерн.

– В Углич, там у нас родственники.

– Если что, оставь весточку у капитана стражи на воротах, я найду тебя. – Гвен крепко обнял девушку.

– Нам надо торопиться, – прервал их расставание я.

Мы вскочили на коней и, не оборачиваясь, помчались в деревню.

– Что ещё узнал?

– Ох, Эрик, плохи дела. Девять разбойников с дубинами, топорами, луками и ножами. Полсотни северян в кольчугах, с мечами, боевыми топорами, арбалетами. Ждать они не намерены. Думаю, атаку следует ожидать ночью либо на рассвете.

Когда жители услышали наши безрадостные вести, то сначала возроптали и решили бежать. Но потом согласились с нами, что в поле у нас мало шансов выжить. После долгих споров и криков признали нас главными, хотя бы на время военного положения.

Гвен отправил двух парней в город к губернатору с просьбой о помощи. Они отправились разными дорогами, у них были одинаковые письма с печатью хайерна. Я съездил в Орлово и уговорил почти всех сельчан перебраться в Орешниково. Остались только несколько упёртых одиноких стариков, да несколько семей решили укрыться в лесу. Главное, что Лина со своими поехала в Орешниково.

Остаток дня пролетел в делах и заботах. Укрепляли, чем могли, частокол, делали волчьи ямы и другие ловушки. Всех оставшихся женщин, детей и стариков укрыли в доме старосты и в двух соседних. Вокруг них сделали мощный заслон из телег, брёвен и различного мусора. К частоколу, изнутри, соорудили подмости, чтобы было удобней через него стрелять. Также изнутри вдоль частокола выкопали ров, завалили навозом и до темноты заливали водой.

К счастью, ночью нападения не было, и напряжённый до предела народ немного успокоился, уснул. Мы выставили караул и несколько секретов вокруг селения.

Я и Гвен легли спать далеко за полночь. С предрассветными сумерками прибежал замерзший дозорный с секрета.

– Там дым! Дым с востока! – взволнованно сообщил он.

И без того некрепкий сон как рукой сняло. Мы вышли на улицу. В утреннем тумане видно было плохо, но запах дыма был чёткий.

– Орлово горит! – высказал общую мысль Гвен. Что поменьше, на то сначала и напали. – Он обратился к дозорному, – Давно учуяли?

– Да небо только розоветь начало. И сразу к вам.

– Ветра почти нет, – сказал я, и почувствовал, как адреналин плеснуло в кровь.

– Значит, враг уже рядом. Беги к своим, пусть возвращаются в селение.

Хайерн разбудил ещё пятерых парней, хотя и так уже спали единицы, и отправил их по секретам, чтобы вернули людей.

Стрелков отправили на подмости и сказали не высовываться. Сами надели кольчуги, добровольно отданные кузнецом, взяли луки и последовали за стрелками. Всё затихло в напряжённом ожидании.

Вот замелькали серые тени – это возвращались дозорные. Над нашими головами бесшумно пролетела сова, уселась на дерево на краю леса и уставилась на нас. Заскрипели, закрываясь, ворота, стукнул засов.

У меня уже ноги затекли сидеть на этих подмостях, быстро отсыревшая одежда холодила, забегали мурашки. Я решил поменять положение, доски подо мной заскрипели. Не у одного меня кончалось терпение, то тут, то там в утренней тиши поскрипывали подмости. Я совершенно не думал о важности предстоящего дела, враг казался каким-то призрачным, ненастоящим, как условный противник на тактических играх в школе. Игры проходили в любое время суток, в любую погоду, в любом месте. Они были сильно приближены к реальным боевым действиям, только не было страха смерти. Об этом нас всегда предупреждали учителя.

Вдруг в тумане что-то двинулось, потом ещё раз. Гвен даже не свистнул, а как-то тихо выдохнул воздух, но все слышали, поняли, и воцарилась пугающая тишина. Сова взглянула куда-то под дерево, потом на нас, снова под дерево, взмахнула красивыми

мощными крыльями и улетела. Сомнений не было – к нам приближались люди. Крадучись, в тёмных плащах, они полностью сливались с травой. Настолько, что шестерых я заметил только в полуполете стрелы от частокола. Всего их было не меньше десятка. У одного в руках я различил небольшие вытянутые штуки, они постоянно цеплялись за траву. Мы решили подпустить их в упор. Снаружи раздался царапающий звук, кто-то стал подниматься по частоколу. Остальные, видимо, ждали внизу. Бородатое грязное лицо выглянуло между острий кольев и не успело удивиться, сразу три стрелы вонзились в него. Тело рухнуло вниз, раздался приглушённый удивлённый возглас и шорох убегающих ног. Мы поднялись над частоколом и с какой-то злобной радостью стали расстреливать убегающих. Мы убили человек восемь, один попал в волчью яму, и ещё шестеро ушло. Селяне радостно завопили, празднуя небольшую победу, но Гвен их быстро успокоил. Снова тяжёлое ожидание.

Вскоре в лесу раздался стук топора, затем треск падающего дерева, ещё одного, ещё и ещё. Туман почти рассеялся, и было чётко видно, как из леса, прикрываясь широкими щитами, вышел строй воинов, на плечах они несли широкие мощные брёвна. Лук чуть не выпал из моих рук: это были северяне, точь-в-точь как те, что уничтожили мою родную деревню. Но страх, раньше обездвиживающий, теперь только разжигал ярость.

– Как думаешь, губернатор пришлёт помощь? – спросил меня побледневший, но твёрдый духом Гвен.

– Если и успеют, то только всадники. Так что не будем надеяться на них.

– Ты прав. «Никто, кроме нас!» – сказал он девиз школы и подставил кулак.

– Никто! – подтвердил я и ударил в кулак.

– Приготовиться! Принести огня! – парни побежали к кострам и вернулись с факелами.

Стрелки взяли стрелы обмотанные тряпками, лишь слегка пропитанные керосином. Керосина хватило всего на два десятка таких стрел.

–Поджигай! Огонь!

Воздух рассекли огненные росчерки. На поджог брёвен надежды было мало, мы надеялись, что огонь хоть немного пошатнет боевой дух противника. Строй их разорвался, кто-то даже упал, но остальные даже не заметили потерь и продолжали идти вперёд.

– Пригнись! – крикнул кто-то

Ударил залп из арбалетов. Крики боли, несколько наших стрелков упали. Дальше мы стреляли наугад, особо не высовываясь.

Брёвна северяне уперли одним концом в землю, а другой конец положили на частокол. По ним тут же застучали тяжёлые сапоги.

Гвен, я, пятеро дружинников и несколько самых крепких парней встали внизу, готовые к бою.

Два первых северянина не добежали и, утыканные стрелами, упали где-то за частоколом. Третий прыгнул на стрелковую подмость, обрушил хлипкую конструкцию и упал на наши мечи. Сразу двое добрались до конца бревна, спрыгнули вниз и увязли по пояс в вонючей жиже, за что были тут же расстреляны в упор. Дальше я не считал, северяне неохотно умирали от стрел и после семи-восьми завязших в трясине трупов ров перестал быть для них преградой. Если бы не дружинники, они бы нас смели в несколько минут.

Вдруг раздался страшный удар, частокол сотрясся, затем ещё несколько, жуткий треск – и наша последняя надежда в виде частокола рухнула. С боевым кличем северяне ринулись в пролом. Недружно тренькнули тетивы, выпустив последние стрелы. Орешниковцы и Орловчане, несмотря на потери, дружно встретили напор и продолжали «отщипывать» у врага бойцов.

Северяне теснили нас, и мы отступали к центру деревни. Керн ранили в ногу, но он продолжал драться, забирая жизнь то у одного, то у другого зазевавшегося противника. Он споткнулся, не удержался на поврежденной ноге и упал, мы с Гвенем попытались его поднять. Я получил оглушающий удар щитом, Гвену порезали руку, и нам пришлось отступить. Керн снизу вонзил в кого-то меч, вражий топор обрушился на его голову, и больше мы его не видели.

Как глупо, всего лишь споткнулся. О глупой смерти нас тоже предупреждали в школе, особенно учитель по рукопашному бою, которого я тихо ненавидел. Хотя именно навыки, вбитые им, позволили мне забрать у смерти ещё несколько минут моей жизни. Странно, но все движения у меня стали лучше получаться, как будто я уловил маленькую, но такую необходимую деталь. Я лучше угадывал движения противника, мир вокруг будто замедлял ход, звуки смазывались, и я почти ничего уже не слышал. Зрение обострилось настолько, что я смог различить за спинами северян серые тени, которые грабили и поджигали дома. Откуда-то пришла мысль, что это те самые разбойники, которых мы так долго и безуспешно пытались поймать.

Я потерял счёт времени, просто рубил, колот, отступал, прикрывал Гвена, который через рану в руке терял кровь и двигался всё медленнее, и какого-то парня справа. Я почти не думал, это было уже незачем. Я чувствовал, что конец мой близок, было странно, но страха смерти не было, успеть бы только Лину вытащить из этого ада.

Вдруг строй северян пришел в смятение и сломался, кто-то бил их сзади. Через пролом в частокоте вливались всадники, с копьями наперевес они вгрызались в пеших противников, топтали их копытами.

Мы с Гвенем, не сговариваясь, рванули к дому старосты. Уберечь женщин от просочившихся северян. Я заглянул в дом справа и был чуть не убит горшком в руках боевой Орешниковчанки. Еле увернулся. Хлопнула дверь, Гвен уже проверил один дом и вышел на улицу. Я побежал за ним, он скрылся за домом старосты. Сердце скребануло, как ножом: «Опаздываешь!» – тревожно шепнула интуиция.

За домами истошно закричала девушка. Крик оборвался. Я со всех ног побежал туда, с ужасом понимая, что это голос Лины.

Я забежал за дом кузнеца и замер. Белобрысый блаженный, которого я видел на празднике, прижал ногой к земле Лину и приставил меч к её горлу. Лоб его был рассечен, скальп наполовину срезан, в глазах горело безумие. Рядом стоял разбойник постарше, пошире, покоренастей. Он закрылся Гвенем, в руке у него был кинжал. Как я узнал позже, этот разбойник был у них главным.

– Твоя девка? Вижу, что твоя, не зря мы за тобой наблюдали, оруженосец, – заговорил главный. Изо рта у него текла кровь, и не хватало передних зубов. – Ещё и хайерн удачно подвернулся. У тебя есть один вариант. Выведи нас из... – я взглянул ему в глаза, и он осекся. – Чур меня! Что за глаза у тебя, – и добавил шёпотом: – Как у кошки.

Все, даже теряющий сознание Гвен, воззрились на меня, а в безумных глазах белобрысого появился страх.

– А будь ты хоть сам бес, – пришёл в себя главный, – выведи нас, и мы оставим этих двух в живых.

Сзади раздался цокот копыт, и по глазам разбойника я понял: судьба пленников решена. Я рванул к белобрысому, клинок пробил его шею насквозь, свободной рукой схватился за лезвие его меча, боли не почувствовал. Из шеи разбойника невообразимо медленно брызнула кровь, красные капли повисли в воздухе и не торопились падать. Я развернулся. Гвен боролся с разбойником и явно проигрывал. Кинжал разбойника был в пяди от его горла. Я ударил рукояткой белобрысовского меча в лицо и оттолкнул Гвена. В груди вдруг стало неприятно горячо. Сердце моё забилося перепуганной пташкой. Я с удивлением увидел рукоять ножа, торчащую из моей груди. Старшой злорадно усмехнулся и ударил меня рукой в горло, в следующий миг всадник копьём пригвоздил его к земле.

Стало очень холодно, только в груди было нестерпимо горячо. Хотелось вытащить кинжал, но руки почти не слушались. Мир стремительно терял краски, звуки, запахи. Всё вокруг заволоч серый сухой туман. Босые ноги чувствовали острые мелкие камешки. Вокруг не было никого, только рысь стояла рядом и смотрела куда-то в серую мглу. Я проследил за её взглядом. По тропинке к нам приближалась фигура. Вокруг неё летали три духа. По приближении к нам духи всё больше становились похожими на людей. Меня передернуло от отвращения, это были не люди, это были мертвецы. С посиневшей кожей, остекленевшими глазами, с жуткими шрамами на лицах. Я хлопнул себя по ноге в поисках меча и обнаружил, что на мне нет одежды.

Фигура заговорила:

– Не трепыхайся, ты долго бегал, но в этот раз даже этот звериный дух тебя не спасёт...

...спасёт? Ничто не спасёт. Простите, – проговорил лекарь и отошёл от Эрика. Рядом стоял Гвен и кусал в отчаянье губы.

Их положили в бане старосты, обработали все раны, сделали всё что могли, но Эрик всё равно медленно умирал. Лиана сидела рядом и беззвучно плакала. Мать пыталась её увести.

Вдруг девушка вспыхнула, ничего не объясняя, заставила всех выйти из бани и закрылась изнутри. Она очень хотела помочь Эрику, отдать своё тепло, огонь своей жизни и, если всё окажется зря, умереть вместе с ним. Она разделась, легла рядом и взяла холодеющую руку любимого в свою...

...свою руку, она как будто потеплела и засветилась. Фигура с косою в очередной раз надвигалась. Рысь буквально разорвала одного мертвеца и отвлекала на себя другого, третий мертвец как будто дрался с невидимкой и явно проигрывал. Я выставил руку, прикрываясь от холодного пламени косы, и сам испугался, когда в моей руке блеснул тонкий, острый, длинный и тёплый клинок. Смерть на миг замерла в недоумении и ринулась в бой, больше тянуть время она была не намерена. Сначала я с трудом отражал удары, но чем дальше, тем легче.

Рысь разорвала второго мертвеца. Невидимка сломал все кости третьему и проявился. Это был Леший с лесного озера.

– Бей её, Кенар! Покажи костлявой! – крикнул он.

С каждым мгновением ко мне возвращались силы. Один раз я даже дотянулся до смерти, но лишь немного разорвал ей плащ. Раздался хруст дерева...

...дерева. Дверь ещё немного сопротивлялась и уступила напористым людям. Гвен первым вбежал в баню.

На полке лежали два чуть теплых, но живых тела, свившиеся в объятиях. Дыхание у обоих было ровное, как у спящих. Кровь из раны Эрика течь перестала. Растопили печь и укрыли их обоих теплым одеялом.

Наши души теперь неотрывно связаны друг с другом. Лиана – моя берегиня. Пока мы вместе, смерть не найдет дороги ко мне. А уж я буду беречь её пуще жизни!